

<http://www.strana-oz.ru/2013/6/hrupkiy-mostik-mezhdu-mirami>

Василий Костырко. Обзор книг.

Майкл Томаселло. Истоки человеческого общения / пер. с англ. М. В. Фаликман, Е.

В. Печенковой, М. В. Сеницыной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухиной. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 328 с.

Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 176 с.

Панов Е. Н. Парадокс непрерывности: языковой Рубикон. О непреодолимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 456 с.

Исследования, посвященные проблеме происхождения языка, выпускаемые в последние годы издательством «Языки славянских культур», родились на стыке нескольких наук:

антропологии, лингвистики и этологии — науки о врожденных инстинктах животных и человека. Последнюю, пожалуй, сегодня следует признать самой амбициозной и влиятельной в этом ряду.

Этология претендует на статус объективной психологии, пытается дать строго научный ответ на философский вопрос, в чем заключаются «врожденные идеи», поскольку полагается при этом не на философскую традицию и субъективный опыт самопознания, а на наблюдение и эксперимент. Поэтому на этологию вынуждены оглядываться не только современные философы, но и психологи, социологи и т. д. Не остались в стороне и СМИ, благодаря которым существование этологии, пусть и не называемой своим собственным именем, ощущается и в нашей повседневной жизни.

«Стихийные этологи» (журналисты, следующие моде) претендуют на то, чтобы разъяснить, в чем заключается истинная человеческая природа, что такое власть, как на самом деле устроены отношения между полами, родителями и детьми и т. п. Все выглядит так, словно эти авторы искренне полагают, что человек — это животное. «Культура» сводится к «природе» и даже подвергается своего рода ревизии с естественнонаучных позиций. Дав волю воображению, нетрудно представить себе общество, где подобные изменения представлений о человеческой природе влекут за собой законодательные последствия.

Естественно, что авторы строго научных и даже научно-популярных работ такой метод «изучения» человека считают неверным. Но профессиональные этологи, пропагандируя свою науку в обращенных к широкой публике теле- и радиопередачах, нередко утверждают, что, во-первых, их наука может объяснить в человеке абсолютно все и, во-вторых, в человеческой культуре нет ничего такого, чего нельзя было бы обнаружить, наблюдая за животными.

В некотором смысле вульгарную этологию можно считать современным аналогом мифологии. Индивидуальное поведение и обычаи общепития объясняются через их происхождение — эволюцию, адаптацию, наследственность и т. п. По какому-то удивительному совпадению сами этологи-популяризаторы тоже к мифологии неравнодушны: они не только любят цитировать Козьму Пруткову и ставить медицинский диагноз I Anne Карениной, но даже к готовы с естественнонаучных позиций объяснять неудачи Аполлона в его отношениях с нимфами.

Книги, выпущенные издательством «Языки славянских культур», также обращены к неспециалистам. Коренное отличие этих текстов от вульгарной этологии в том, что, несмотря на большие успехи этологов в изучении коммуникации у животных, ни один из авторов не решается свести человеческий язык к сигнальным системам братьев наших меньших. Они лишь строят предположения о том, связаны они узами родства или нет. Внимание читателя оказывается сосредоточенным не на животных инстинктах в человеке, а на пропасти, которая отделяет его от ближайших «родственников» в животном мире.

Истоки человеческого общения

Книга американского психолога Майкла Томаселло «Истоки человеческого общения» представляет собой пространное изложение одной из гипотез о происхождении языка. Свою теорию автор строит на развернутом сравнении коммуникации у человека и шимпанзе, ближайшего родственника человека в животном мире. Причем в отличие от других авторов Томаселло рассматривает сразу два канала, при помощи которых у обоих

видов происходит обмен информацией. Ведь как обезьяны, так и люди пользуются голосовыми сигналами и жестами.

Звуки, издаваемые шимпанзе, хотя и несут важную информацию, но не обращены ни к кому конкретно, а скорее выражают психологическое состояние особи — например, испуг в связи с появлением леопарда. Для вступления в персональный контакт с себе подобными, по наблюдениям автора, обезьяны используют только жесты. Их значение — это по большей части требование от сородича удовлетворения некой наличной потребности, например: поделиться едой, вступить в сексуальные отношения, поиграть и т. д.

Томаселло подчеркивает, что ни звуковые сигналы, ни жесты не используются обезьянами для того, чтобы проинформировать о том, чего в данный момент нет в наличии, например, рассказать о леопарде, который приходил вчера, или договориться о походе за плодами в соседнюю рощу. В ходе специальных экспериментов люди пытались расширить «словарный запас» шимпанзе, обучая их жестам из языка глухих, однако характер коммуникации у обезьян от этого не изменился. По большей части они требовали от человека удовлетворить некие свои сиюминутные желания, чтобы тот, например, поиграл с ними в прятки или дал пакетик арахиса.

Томаселло связывает это с тем, что шимпанзе не свойственно альтруистическое поведение. Деятельность этих обезьян может быть коллективной по форме, как, например, загонная охота на мартышек. Однако роли участников распределяются случайно, и до последнего момента они конкурируют между собой за преимущественное право распоряжаться добычей. Не ведая о том, что такое альтруизм и альтруистические намерения, шимпанзе не способны принимать помощь, например, понять подсказки человека, необходимые для решения задачи, поставленной экспериментатором.

Такой характер взаимодействия между особями не создает потребности в информировании о событиях прошлого или создании совместных планов на будущее. Поэтому, полагает автор, им и не нужна сложная грамматика, позволяющая описывать ситуации и процессы, раскладывая их на составляющие (субъект, действие, объект и т. п.). Действительно, при анализе жестов и звуковых сигналов обезьян не удается ни разложить их сигналы на составляющие, ни выявить устойчивого и осмысленного «порядка слов» при их использовании.

В отличие от обезьян люди готовы помогать по личной инициативе, отказываясь от собственной выгоды в настоящем, поскольку ожидают ответных уступок в будущем. Язык, как считает Томаселло, это прежде всего «совместная интенциональность».

Свою собственную теорию о возникновении языка Томаселло выстраивает, отталкиваясь от наблюдений за жестами маленьких детей. Дети овладевают жестами раньше, чем языком, причем примерно с годовалого возраста используют их и для информирования о вещах, которых нет в наличии, и для оказания помощи, например, могут указать взрослому на потерянный предмет или показать, где он был раньше. Томаселло проводит аналогию между взрослением ребенка и эволюцией человека. Он убежден, что до звучащего языка люди какое-то время общались с помощью жестов, в том числе подражательных.

Проделанный Томаселло анализ сигнальных систем обезьян и их «социального» контекста — яркое свидетельство того, что язык, подобный человеческому, не мог появиться у биологического вида, которому не свойственно альтруистическое поведение. Автор

убежден, что язык современного типа возник в ситуации полного взаимного доверия между предками его будущих носителей, и оспорить это положение уже гораздо труднее.

От смысла к тексту

Определенным недостатком популярных книг по этологии, пожалуй, можно считать то, что автор, доступно излагающий особенности языка людей, зачастую все же не лингвист. Весьма полезной и для этологов-нелингвистов, и для широкого круга читателей может оказаться выпущенная тем же издательством «Языки славянских культур» книга И. А. Мельчука «Язык: от смысла к тексту», представляющая собой попытку популярного и доступного изложения современной версии лингвистической теории «Смысл-текст» того же автора.

Сложившаяся в 60-е годы прошлого века в СССР, теория «Смысл-текст» не относится к мейнстриму современной лингвистики. Тем не менее она вполне может дать представление о том, чем отличается человеческий язык от коммуникативных систем животных. Научно-популярное издание «Язык: от смысла к тексту» описывает специфику языка в действии, с одной стороны, предельно строго, с другой — очень лаконично.

Исследователи коммуникативных систем животных, даже если осмеливаются утверждать, что некий сигнал имеет определенное значение (например, предупреждает соплеменников о появлении поблизости некоего опасного животного конкретного биологического вида, допустим, леопарда или змеи), не делают из этого вывода, что животные оперируют понятиями «леопард» или «змея». Подобием означающего для них является не набор знаний об этом животном, а адекватная форма бегства.

Уже из заглавия книги Мельчука видно, что язык рассматривается как функция, сопоставляющая некоему смыслу множество текстов, способных его выразить; и наоборот, одному тексту сопоставляется множество допускаемых смыслов. Автор иллюстрирует преобразование в текст некоего смысла, изначально абстрактного.

Жизненные ситуации, полагает Мельчук, в человеческом мозгу кодируются в понятиях, специфичных для некоего конкретного естественного языка (английского, русского, китайского и т. п.). На исходном (глубинно-семантическом) уровне модели смысл высказывания выглядит как сеть понятий. Затем, в результате целой цепи преобразований, эта структура приобретает форму линейной фразы (звучащей или записанной). Из ряда синонимов, которые соответствуют исходным понятиям в конкретном языке, выбираются слова, обладающие определенной сочетаемостью, принимающие определенную грамматическую форму и выстраиваемые в определенном порядке и т. д.

Лингвистическую модель «Смысл-текст» неоднократно критиковали по самым разным поводам. Ее глубинные, то есть наиболее близкие к воплощаемому в определенном тексте смыслу, уровни, по определению, непосредственному наблюдению недоступны — на то она и модель. Однако, даже если описанным Мельчуком межуровневым (отглубинно-семантического к поверхностно-семантическому, от поверхностно-семантического к глубинно-синтаксическому и т. д.) трансформациям не соответствуют никакие реальные процессы в мозгу, модель эта ценна хотя бы тем, что учитывает практику описания языка, существующую у людей тысячелетиями, — словари, грамматики и т. п.

Теория Мельчука описывает процесс, результат которого вполне может быть зафиксирован письменно, отделен от ситуации коммуникации и от используемого в ней сенсорного канала и все же понят.

Языковой Рубикон

Книга живого классика советской и российской этологии Евгения Панова носит острополюемический характер именно потому, что в ней рассматриваются вопросы методологии этологических исследований. Книга состоит из трех разделов: вводно-теоретического, описательно-аналитического, где автор пишет про животных, которых изучал сам, и реферативно-оценочного, где он излагает результаты сторонних исследований коммуникации у обезьян, в том числе шимпанзе, выращенных в неволе.

Автор начинает с утверждения, что нынешнее изобилие работ по коммуникации у животных свидетельствует не о расцвете этологии, а о ее глубочайшем кризисе. Речь идет о неправильно собранных и истолкованных данных: междисциплинарные и философские обобщения делаются авторами, у которых зачастую нет личного опыта наблюдения и протоколирования поведения животных. Корнем всех зол Панов считает «когнитивную революцию», которая повлекла за собой отказ большинства этологов от принципа Ллойда Моргана: «ни в коем случае не следует интерпретировать действие как результат проявления более высоких психических способностей, если есть возможность объяснить его как проявление способностей, отвечающих более низкой психической шкале». С этих пор, как считает автор, в этологии допустимыми и даже желательными стали спекуляции: животным начали приписывать не только способность мыслить силлогизмами, но даже умение планировать свои действия и вести диалог.

Действия животных исследователи интуитивно возводят в ранг сигналов. Позам, крикам, способам перемещения и т. д., что сам Панов считает псевдоязыковыми сигналами, исследователи по наитию приписывают связь с некими видами взаимодействия между особями данного вида (выяснение ранговых отношений, охрана территории, спаривание, совместная забота о потомстве). Статистическая проверка, которую Панов считает обязательной, по его словам, в этих исследованиях не проводится.

Панов дает советы начинающим этологам. Так, исследователь обязан регистрировать взаимодействия между животными по всем возможным каналам связи, то есть учитывать не только звуки, но и движения, прикосновения, запахи и т. д. При этом Панов обращает особое внимание на то, что зачастую наиболее важными во взаимодействии животных оказываются сигналы, наименее заметные для исследователя. И наоборот, та информация, которую ревностный наблюдатель может извлечь из действий животного, его сородичи получить не в состоянии. Таков, по убеждению маститого автора, случай с «танцами пчел»: местонахождение пищи по полету вернувшейся в улей пчелы могут определить только исследователи, другие пчелы ту же еду будут искать по запаху.

По Панову, действия животных, которые нынешние этологи принимают за сигналы, суть проявления внутреннего состояния этих животных. Сородич будет реагировать на них определенным образом (уступит территорию или ресурс, вступит в сексуальный контакт, начнет заботиться о будущем потомстве и т. д.) не автоматически, а лишь при соблюдении ряда условий. Во-первых, в зависимости от обстоятельств места и времени (на определенной стадии годового цикла жизнедеятельности соответствующего вида), во-вторых, в зависимости от своего индивидуального психофизического состояния.

В исследованиях коллег о коммуникации у приматов Панов находит те же самые ошибки, что и у коллег, занимавшихся изучением поведения птиц, ящериц и насекомых. В конечном счете автор отказывает и обезьянам в способности обмениваться сообщениями.

Панов признает, что выращенных в неволе шимпанзе и бонобо действительно можно обучить пользоваться примитивным набором знаков. Однако способность информировать других обезьяны обретают в результате дрессировки, во время которой животное вознаграждается за действия, нужные экспериментатору, либо в результате наблюдения за тем, как люди обучают других обезьян. Признавая важность этих опытов, Панов ставит под сомнение их корректность, то, что их могут воспроизвести другие исследователи.

Выводы Панова звучат неутешительно: мост между мирами животных и людей в прошлом, по-видимому, существовал, но ныне он разрушен, и воссоздать его не представляется возможным. Животные обладают некими предпонятиями, определенным образом кодирующими объекты и явления окружающего мира. Но в отличие от людей они не обмениваются этими знаниями при помощи знаковых систем.

Суровый вердикт, который Евгений Панов выносит целому научному направлению, лишь разжигает читательское любопытство. Каким получилось бы описание человеческого языка, если бы сторонний наблюдатель пытался вычленить из процесса коммуникации только такие знаковые единицы, при помощи которых одни люди подталкивают других к небольшому набору видов взаимодействия, общему для человека и животных? Как выглядели бы в этом описании синонимия и омонимия? Наконец, как именно отечественные этологи, подвергшиеся критике в работе Панова, могли бы ответить? Мы надеемся, что издательство «Языки славянских культур» уже в недалеком будущем даст нам услышать и их голоса.